

ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ АПРЕЛЬ

Апрель уже просох под солнечными лучами. Тополя выбросили первые листы – ярко зеленые и блестящие их язычки, едва выпрастываясь из почек, жадно лизали воздух, освещали парковую аллею. Снег, водой сбегавший в реку, оставил на газонах привычный зимний мусор: линялые бумажки, смятые пластиковые бутылки, картонки из-под сока, сигаретные пачки. Нет, снег, если и виноват, то лишь в том, что всю зиму покрывал некрасивые дела людей...

Приблизительно такие мысли неторопливо кружились в голове Виктора Петровича, в такт им шаркающей походкой бредущего по асфальтовой дорожке.

Впрочем, на мусор можно и не смотреть. Есть деревья, начинающие оживать; есть небо, ещё по-зимнему белёсое, но уже поднявшееся, воспарившее над землёй; есть, наконец, молоденькая художница, пристроившаяся на краю скамейки: одну ногу поджала под себя, на коленях фанерка – чиркает что-то карандашом, изредка поглядывая вокруг.

Парковые скамейки, как ни странно, чистые, хоть и облупленные. Не успели, значит, затоптать их бесцеремонные тинейджеры.

Виктор Петрович устало присел напротив художницы и прикрыл глаза, глубоко вдыхая пряный весенний дух.

Он давно заметил, что апрели все разные. Нынешний для него – шестьдесят восьмой, а присматриваться к ним Виктор Петрович стал, примерно, с тридцать девятого. До этого весна была просто весной, зима – зимой, лето – летом. В беспрестанной круговерти забот, теперь казавшихся по большей части пустыми, некогда было приглядываться к смене времён года.

Апрель этого года был ярким днями и холодным по ночам, остро пахнущим перестоялым туманом и берёзовым соком...

Рядом на скамейку плюхнулся подросток. Худосочный, копна волос, мешковатые штаны, того и гляди, свалятся с жидких бёдер. Из ушей свисают тонкие проводки «музыки». Плеер, кажется, называется. Сколько ему? Пятнадцать? Шестнадцать? А уже с бутылкой пива. Дела!..

Он и сел-то на скамейку, уже занятую Виктором Петровичем, не потому, что свободных не было. Скорее, юнец просто не видел и не слышал ничего вокруг, увлечённый исключительно собой.

А вокруг была весна! Апрель! Оживает земля!.. Вон птичка по газону весело бегают, выискивает чего-то среди мусора...

– Приколись, дед, птица какая чудная! – завопил вдруг подросток, оглушённый своей «музыкой». – Вертихвостка, кажись!

– Трясогузка, – машинально поправил Виктор Петрович, неуверенный, что его слышат. И одновременно удивился: надо же, малец-то, оказывается, наблюдательный – меня, вон, увидел, птичкой заинтересовался.

– Я и говорю, прикольно – хвостом-то так и трясёт! – продолжал восхищаться подросток. От избытка чувств он выдернул наушники из ушей, и музыка вырвалась на волю, заставив Виктора Петровича удивиться еще раз: песня, льющаяся из наушников, была популярна и тридцать лет назад.

– Пива? – учтиво спросил подросток, протягивая наполовину опорожнённую бутылку.

– Да нет, спасибо. Самого-то родители не заругают?

– За что!? – округлил глаза пацан.

– За пиво. Запах, поди, унюхают.

– Не заругают. Не заметят. Им некогда – заняты обеспечением благополучия семьи, – мальчик явно повторил слова взрослых, лёгкая тень обиды сквозила в его голосе. – Да и пиво-то – безалкогольное. Вот, читайте...

Виктор Петрович с интересом рассматривал подростка. Тот уже переключил внимание на художницу.

– Тётенька, вы меня рисуете!? – кривляясь, прокричал он.

Художница коротко стрельнула в пацана глазами и презрительно фыркнула в сторону.

Мальчишка поднялся со скамейки и вихляющей походкой двинулся к девушке.

«Обидеть ведь может», – подумал Виктор Петрович, но парень до художницы не дошёл. Приблизился, постоял в сторонке, вытягивая по-гусиному шею, и, поддёргивая в спешивости штаны, притопал обратно.

– А-а, – пренебрежительно протянул он. – Деревья какие-то, скамейки...

Подросток потоптался ещё с минуту, допил пиво и, будто спрашивая, сказал:

– Ну, я пошёл?

Бутылку он, помедлив немного, опустил таки в урну. И пошагал, загребая широкими штанинами прошлогоднюю листву. Маленький предоставленный сам себе человечек...

Виктор Петрович улыбнулся своим медленным мыслям и снова прикрыл глаза. Жизнь прожита, и не нужно думать о прошлом, о будущем грезить тоже не стоит, сколько бы его ни осталось. Важен покой, важен апрель со своим мягким светом и горьковатым вкусом...

– Здравствуйте. Извините, я присяду...

Рядом со скамейкой стояла пожилая женщина в сером пальто и чёрной изящной шляпке.

– Ну что вы, конечно, садитесь, – женщина понравилась Виктору Петровичу своим шероховатым голосом и ненавязчиво-извинительной манерой обращения.

Она села чуть в стороне, аккуратно подобрав полы длинного пальто и пристроив на коленях средних размеров сумку.

«Ей, примерно, столько же, сколько и мне, – определил возраст соседки Виктор Петрович. – Когда-то она была, наверное, красива... Да нет, она и сейчас очень симпатична, только... устала».

Женщина глядела вдаль перед собой, в прямой спине и покойно лежащих на сумке руках действительно чувствовалась большая усталость.

– Гуляете? – довольно глупо спросил Виктор Петрович.

– Нет, – спокойно улыбнулась женщина. – Я в поликлинику пришла, очередь заняла, посидела часик – невмоготу стало. А там народу – ещё часа на два... Вышла подышать.

Виктору Петровичу почему-то было приятно слушать её ровный голос и смотреть на её простое лицо.

Вдруг мимолётная лукавинка высветилась в глазах женщины, сделав их молодыми.

– Я вас знаю, – сказала она, – вы из десятого «А». Но меня вы, конечно, не помните. Я тогда в седьмом училась и была в вас безнадежно влюблена. А вы... вы за Ленкой из девятого «Б» ухаживали. Ну ещё бы, первая красавица школы! Все мальчишки, как с ума посходили...

Виктор Петрович изумлённо смотрел на случайно встреченную женщину, которая вдруг легко привела в порядок пыльный ворох его воспоминаний. Конечно, он её не узнавал, и не мог узнать – разве обращал он в те годы внимание

на каких-то семиклашек. Но она говорила правду: учась в десятом, он, как и все его одноклассники ухлёстывал за Ленкой Бариновой, страдал, сгорая от безумной любви, по ночам тайком приносил цветы к дверям её квартиры, посвящал ей стихи...

– Я сразу вас узнала, – говорила женщина. – Кстати, меня Любой зовут, Любовью Ивановной. Вы ведь никогда даже не подозревали о моём существовании, верно? А я потом ещё долго любила вас, всё надеялась, что когда-нибудь... Да что я! Всё это было тысячу лет назад!..

Они сидели на облупленной скамейке, посреди пустынного парка, в самой середине весны, и неторопливо рассказывали друг другу каждый о своей жизни. Виктор Петрович – о всех своих четырёх браках, каждый из которых считал вполне счастливым; о сыновьях и дочках, разлетевшихся во все концы страны, увезя с собой недоласканных внуков; о том, что он (оказывается, уже двадцать три года!) очень одинок, после развода с четвёртой женой; о том, что... всё у него хорошо, и здоровье особо не беспокоит. Любовь Ивановна говорила, что замуж вышла поздно, но на всю жизнь – супруг её и ныне здравствует и даже ещё работает преподавателем в техникуме; дочка с мужем живут неподалёку – всего-то в полчаса ходьбы, и внука неделями пропадает у бабушки с дедушкой; и всё у них тоже хорошо, только вот болячки навалились...

Тихо, матово светило солнышко, перекрикивались, пробуя голоса, какие-то пичуги, где-то вдалеке звонил колокол. Виктор Петрович смотрел в глаза Любови Ивановны, видел в них своё отражение и запоздало млеял оттого, что эта, теперь уже пожилая... да что лукавить – уже престарелая, красивая женщина была в него влюблена. Это было давно, очень давно, но почему-то хорошо от этого было сейчас...

– Мне пора, – сказала Любовь Ивановна, протягивая ему руку. – Как бы очередь не пропустить. Я очень рада, что встретила вас. До свидания, Саша.

Отпуская шершавую тёплую ладонь, Виктор Петрович тихо улыбался, немного ошарашенный. Ему было чуть-чуть грустно от понимания, что влюблена в те давние годы Люба была вовсе не в него, а в его закадычного дружка Сашку Ветрова.

Она ушла по весенней аллее. Виктор Петрович снова сидел на скамейке и, прикрыв глаза, дышал своим шестьдесят восьмым апрелем...

– Дедушка, возьмите, вот... На память.

Перед ним стояла художница и протягивала ему квадратный лист картона. На листе твёрдыми, умелыми карандашными штрихами был нарисован уголок парка с деревьями, скамейкой, а на скамейке, держась за руки, сидели Виктор Петрович и Любовь Ивановна. Только... они были молодыми, тридцатилетними. Юная художница ещё не умела рисовать старость.

Апрель 2005 г.